Памятники древне-русскаго искусства церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ.

Краткое описаніе церкви иконъ кисти Симона Ушакова и прочихъ ея достопамятностей съ приложеніемъ 15 таблицъ съ 45 фототипіями.

А. Р. Пушкарь

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/pamiatnikidrevne00tren

Памятники древне-русскаго искусства церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ.

Краткое описаніе церкви иконъ кисти Симона Ушакова и прочихъ ея достопамятностей съ приложеніемъ 15 таблицъ съ 45 фототипіями.

А. Р. Тренебъ.

Памятники Древне-Русскаго Искусства

церкви Грузинской Богоматери

въ Москвѣ.

Краткое описаніе церкви, иконъ кисти Симона Ушакова и прочихъ ея достопамятностей, съ приложеніемъ 15 таблицъ съ 45 фототипіями.

Д. К. Треневъ.

Издано при Церковно-Археологическомъ Отдѣлѣ Общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Изданіе автора.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.

Москва—1903.

Печатать разрѣш. Москва, 27 августа 1903 г. Цензоръ изданій Московскаго Общества Любителей Духовнаго просвѣщенія Протоіерей **Н. Извѣковъ.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ храмѣ Грузинской Божіей Матери, въ Москвѣ, хранятся памятники древне-русскаго искусства выдающагося достоинства—и поэтому представляющіе собою драгоцѣнный матеріалъ для изслѣдованія и прекрасные образцы для подражанія. Кромѣ того, по своему внѣшнему виду онъ можетъ справедливо считаться однимъ изъ лучшихъ памятниковъ московско-русскаго зодчества XVII вѣка.

Ихъ Императорскія Величества, Государь Императоръ и Государыня Императрица, 12-го апрѣля 1900 года, изволили посѣтить, безъ предварительнаго оповѣщенія, этотъ замѣчательный храмъ и обозрѣть его достопримѣчательности. Да послужитъ это примѣромъ тѣмъ русскимъ, которые относятся равнодушно къ лучшимъ памятникамъ культурнаго прошлаго своей родины!.. Но многіе русскіе ученые и изслѣдователи нашей старины уже обращали вниманіе и описывали этотъ храмъ и его замѣчательныя иконы. Такъ, напримѣръ, И. М. Снегиревъ составилъ краткое его описаніе, изданное А. Мартыновымъ («Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества».

1850 г., 2 т., стр. 97), съ приложеніемъ литографій, изображающихъ церковь, наличники и Ушаковскую икону Владимірской Божіей Матери, которыя даютъ, однако, слабое и не совсѣмъ правильное о нихъ понятіе. Л. В. Даль помѣстилъ въ журналѣ «Зодчій», за 1877 годъ, свои замѣтки объ этой церкви и таблицу съ рисункомъ наружнаго ея вида и плана внутренняго устройства. Замѣчательныя ея иконы кисти Симона Ушакова были подробно и обстоятельно описаны Г. Ю. Филимоновымъ въ статьѣ «Симонъ Ушаковъ и современная ему эпоха русской иконописи» («Сборникъ общества древне-русскаго искусства». М. 1873), при чемъ приложены были переводы съ иконы Владимірской Божіей Матери и съ нѣкоторыхъ клеймъ иконы Благовѣщенія. Въ трудахъ другихъ археологовъ встрѣчались также краткія свѣдѣнія какъ о самой церкви, такъ и о ея Ушаковскихъ иконахъ, добытыя большею частью изъ вышеупомянутыхъ источниковъ.

Въ настоящемъ изданіи помѣщаются таблицы съ фототипіями наружнаго и внутренняго вида церкви, наличниковъ, замѣчательныхъ иконъ кисти Симона Ушакова и такъ называемыхъ строгоновскихъ писемъ и, между прочимъ, только двухъ клеймъ, но съ расчищенною олифою, иконы Благовѣщенія кисти Симона Ушакова, такъ какъ клейма этой замѣчательной иконы предполагается помѣстить въ одномъ изъ выпусковъ Иконописнаго Подлинника, издаваемаго Высочайше утвержденнымъ Комитетомъ попечительства о русской иконописи, и, кромѣ того, остальныя клейма иконы, покрытыя сгустками темной олифы пока ожидаютъ окончанія начатой реставраціи, пріостановленной по распоряженію Московскаго Археологическаго общества. Въ прилагаемомъ текстѣ излагаются краткія свѣдѣнія о церкви Грузинской Божіей Матери и о ея достопамятностяхъ.

Таблицы съ хромолитографіями орнаментовъ рѣзныхъ каменныхъ наличниковъ внутреннихъ проходовъ церкви и рѣзьбы ея оригинальнаго древняго иконостаса, выполненныя по рисункамъ художника, барона Е. А. Клодта, займутъ своевременно мѣсто среди таблицъ второго выпуска изданія моего и Н. П. Сырейщикова: «Орнаменты на памятникахъ древне-русскаго искусства».

Какъ сообщалось выше, въ описываемой церкви находятся иконы кисти Симона Ушакова и такъ называемыхъ строгоновскихъ писемъ.

Дѣленіе нашей русской иконописи по школамъ, введенное первоначально знатоками, собирателями нашихъ древнихъ иконъ, а впослѣдствіи попытками нѣкоторыхъ изслѣдователей, главнымъ образомъ Д. А. Ровинскаго, закрѣпленное печатно, находило неоднократно возраженія и упреки въ неосновательности. Но тѣ современные археологи, которые, пользуясь въ сущности нѣкоторыми отдѣльными мнѣніями Г. Ю. Филимонова, особенно настойчиво отвергаютъ возможность подобнаго рода классификаціи, въ то же время, къ сожалѣнію, весьма мало стараются дать что-либо взамѣнъ. Оправданіе въ этомъ случаѣ одно: памятники русской иконописи не достаточно изданы, мало извѣстны, и дѣятельность изслѣдователя должна быть направлена къ собиранію матеріаловъ, а личный взглядъ или сужденіе могутъ оказаться преждевременными и ошибочными. Какъ не пожелать такимъ дѣятелямъ, по крайней мѣрѣ, такъ же добросовѣстно собирать матеріалы, какъ это дѣлали Д. А. Ровинскій и Г. Ю. Филимоновъ!

Справедливо, что иконопись наша мало изслѣдована, что въ классификацію по школамъ, или по письмамъ, внесено много противорѣчій и значительной путаницы, въ которой со временемъ не легко будетъ разобраться, но въ русской иконописи, несомнѣнно, существуютъ различныя манеры письма, и съ этой стороны она ожидаетъ постепенныхъ, добросовѣстныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованій. Въ подобномъ трудѣ, конечно, всегда возможны ошибки, пока не откроются новыя данныя, которыя ихъ объяснятъ и, быть можетъ, даже измѣнятъ ту или другую точку зрѣнія изслѣдователей.

Что слово «школа» въ классификаціи русской иконописи не означаетъ опредѣленнаго художественнаго направленія, какъ на западѣ, это такъ понятно, что излишни встрѣчающіяся объ этомъ подробныя разъясненія; художественныя же направленія были и въ нашей иконописи. Стремленіе совершенствовать изящество формы, не въ ущербъ притомъ внутреннему, духовному содержанію иконы, очевидно въ произведеніяхъ Ушакова, въ которыхъ такъ ясно выразилось современное ему художественное направленіе въ этой отрасли русскаго искусства, если даже не будетъ справедливѣе признать Ушакова хотя бы не иниціаторомъ, то главою этого движенія.

Нѣкоторыя стремленія разнообразить и улучшать форму замѣчаются въ иконахъ и такъ называемыхъ строгоновскихъ писемъ еще до эпохи художественной дѣятельности Ушакова. Различные пошибы иконописанія въ Россіи возникали въ зависимости отъ историческихъ условій, мѣстности и времени. Дарованіе и направленіе отдѣльнаго лица, какъ это мы видимъ въ Ушаковѣ, могло также имѣть существенное вліяніе на русскую иконопись и направленіе въ ней.

Значительное вліяніе на русскую иконопись въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ и позднѣе оказывали образцы западнаго искусства, проникавшіе въ наше отечество первоначально хотя бы въ видѣ гравюры. Образцы эти порождали понятное желаніе въ иконописцахъ того времени улучшать художественную сторону иконъ, насколько, конечно, это было въ предѣлахъ ихъ возможности, и вносить нѣкоторое разнообразіе въ тотъ или другой переводъ изображенія. Подобныя произведенія находили, однако, осужденіе со стороны ревностныхъ приверженцевъ старины, но принимались и даже имѣли, повидимому, успѣхъ у отдѣльныхъ лицъ, какими были, напримѣръ, именитые купцы Строгоновы и строители описываемаго храма купцы Никитниковы. Ведя обширную торговлю и знакомясь съ произведеніями западной промышленности и искусствъ, отдѣльныя лица изъ нашего древняго купечества, какъ это мы видимъ, могли усвоивать себѣ иногда болѣе самостоятельные взгляды, и Строгоновы своими значительными заказами на иконы высокаго достоинства и тщательно написанныя способствовали стремленію въ нашей иконописи улучшать форму выполненія иконы; это подтверждается тѣмъ, что иконы съ надписями, что онѣ писаны для Строгоновыхъ, отличаются именно вышеуказанными достоинствами, при чемъ для удовлетворенія ихъ болѣе развитому вкусу привлекались лучшіе мастера и изъ среды придворныхъ иконописцевъ. Не имѣя данныхъ, не могу утверждать, что Строгоновы имѣли свою собственную иконописную школу, и тѣмъ болѣе, что она создавала иконописцевъ съ опредѣленнымъ художественнымъ направленіемъ. Исполняя заказы Строгоновыхъ и другихъ подобныхъ заказчиковъ и удовлетворяя ихъ вкусамъ, тѣ же царскіе мастера первоначально могли менѣе стѣсняться разнообразить переводы и вводить въ нихъ ту или другую подробность изъ западной гравюры, чѣмъ это было бы допустимо при исполненіи ими придворныхъ заказовъ, гдѣ старина строже оберегалась вліяніемъ духовенства и преданныхъ ей свѣтскихъ лицъ, пока даровитѣйшіе царскіе изографы, во главѣ съ Симономъ Ушаковымъ, умѣлымъ сочетаніемъ традиціонныхъ требованій древней иконописи съ художественными усовершенствованіями, добытыми на почвѣ изученія образцовъ западнаго искусства, не склонили на свою сторону дворъ и многихъ лицъ изъ духовенства и народа. Этому способствовало во многомъ и умѣніе Симона Ушакова и его товарищей-послѣдователей вкладывать въ свои произведенія высоко-религіозное содержаніе, согласно священному Писанію и священному преданію православной Церкви, и этимъ возвышать ихъ достоинство по отношенію молебнаго ихъ назначенія...

Различіе иконъ строгоновскихъ писемъ первой половины XVII вѣка отъ перво-

начальныхъ произведеній царской Ушаковской школы состоитъ отчасти въ способѣ переработки того, что заимствовалось иконописцами извнѣ и, между прочимъ, изъ произведеній западной живописи. Ушаковъ былъ даровитѣе другихъ, съумѣлъ поэтому лучше справиться съ этой задачею, шелъ съ удивительной для того времени смѣлостью къ цѣли и, отдавая преимущество «живству», не терялъ при этомъ чувства мѣры, поддерживая болѣе тѣсную связь съ традиціонными особенностями нашей древней иконописи. Въ этомъ его заслуги очевидны, и избранный имъ путь заслуживаетъ высокаго вниманія и соотвѣтствуетъ и современнымъ дѣйствіямъ Высочайше утвержденнаго Комитета попечительства о русской иконописи, издающаго образцовыя произведенія древней иконописи, чтобы изученіе ихъ могло быть положено въ основаніе современнаго и будущаго развитія и совершенствованія русскаго православнаго иконописанія.

Но, знакомясь въ хронологической послѣдовательности съ произведеніями Ушакова, убѣждаешься, что въ немъ не сразу сложилось его направленіе въ искусствѣ иконописанія. Д. А. Ровинскій замѣчаетъ, напримѣръ, что его икона Благовѣщенія (таблицы X и XI) писана въ 1659 году въ родѣ строгоновскихъ 3-ихъ или бароновскихъ писемъ и что нѣкоторыя отдѣлы изъ акаѳиста трудно отличить отъ строгоновскихъ писемъ. Въ ликѣ Владимірской Божіей Матери на издаваемой иконѣ 1668 года (таблицы VII—IX) замѣчаются тѣ же пріемы и тона окраски, что и на иконахъ строгоновскихъ писемъ, но съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ пріемовъ «живства». Круглыя иконы святителей (таблицы XII—XIV) описываемой церкви и многія другія его произведенія, между прочимъ, въ иконостасѣ Смоленскаго собора Московскаго Новодѣвичьяго монастыря написаны уже со свѣтлыми, соотвѣтствующими естественному виду, ликами... Въ строгоновскомъ пошибѣ иконописи со всѣми его особенностями въ краскахъ и рисункѣ писали иногда и царскіе мастера, писалъ въ этомъ направленіи и Ушаковъ, пока постепенно не отдался болѣе опредѣленному и самостоятельному направленію. Строгоновскій пошибъ иконописи сохранилъ свою самостоятельность, существуя и за предѣлами дѣятельности Ушакова, но впослѣдствіи почти слился съ направленіемъ, даннымъ Ушаковскою школою, какъ бы въ указаніе на тождество причинъ, лежащихъ въ ихъ основаніи.

Направленіе, данное Ушаковскою школою, продолжалось еще и въ началѣ XVIII вѣка и въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ дошло и до нашего времени, хотя этому направленію значительно вредило излишнее увлеченіе произведеніями западной религіозной живописи въ ущербъ основнымъ требованіямъ нашей русской православной иконописи. Это послѣднее грозило окончательнымъ уничтоженіемъ нашему древнему искусству иконописанія, пока не пришли на помощь учрежденіе и затѣмъ дѣятельность Высочайше утвержденнаго Комитета попечительства о русской иконописи.

Желающимъ познакомиться съ русскою иконописью послѣ Ушаковскаго періода рекомендуемъ послѣдовать и въ мѣста жительства его друга, святителя Иллариона Суздальскаго, и, между прочимъ, въ соборный храмъ Покровскаго женскаго монастыря и въ городской соборъ г. Суздаля.

Въ таблицахъ фототипій настоящаго изданія предлагаются, главнымъ образомъ, матеріалы для изученія нашей русской иконописи второй и третьей четверти XVII вѣка и, между прочимъ, замѣчательныхъ произведеній царскаго иконописца Симона Ушакова. Оно также имѣетъ цѣлью служить нѣкоторымъ дополненіемъ къ изданнымъ мною матеріаламъ, относящимся къ позднѣйшей эпохѣ художественной дѣятельности Ушакова, т.-е. къ изданію его великолѣпныхъ иконъ въ иконостасѣ Смоленскаго собора Московскаго Новодѣвичьяго монастыря, въ которыхъ его направленіе въ этой области русскаго искусства получило уже болѣе законченный и опредѣленный характеръ...

Краткія свѣдѣнія о церкви Грузинской Божіей Матери.

Въ Москвѣ, въ Китай-городѣ, въ Грузинскомъ переулкѣ, который спускается по склону возвышенности отъ Ипатьевскаго переулка къ Китайской стѣнѣ, находится древняя каменная церковь во имя Грузинской Божіей Матери. Въ прежнее время по своему престолу она называлась «во имя св. Живоначальной Троицы, что въ Никитникахъ», а еще ранѣе «Никитскою», или «св. мученика Никиты на Глинищахъ», и. первоначально, была деревянною. Свое названіе «на Глинищахъ» получила она отъ холма, на которомъ находилась, прозывавшагося по составу почвы съ залежами красной глины «Глинищами».

Годъ построенія первоначальной деревянной Никитской церкви неизвѣстенъ. Первыя, дошедшія до насъ, письменныя о ней свѣдѣнія имѣются отъ 1625 года [1]), но нужно полагать, что она существовала и въ XVI вѣкѣ и именно въ 1579 году, какимъ годомъ помѣчена икона св. мученика Никиты съ житіемъ, находящаяся у южной стѣны ея Никитскаго придѣла (таблица XII, 26). Такъ какъ въ 1571 году, при нашествіи хана Девлетъ-Гирея, почти всѣ деревянныя строенія «Китая» были истреблены пожаромъ, то, вѣроятно, деревянная Никитская церковь была выстроена между 1571 и 1579 годами.

Въ XVI вѣкѣ Москва, и особенно ея «Китай-городъ», часто страдали отъ пожаровъ, которые были причиною гибели многихъ церквей со святыми иконами. утварью и книгами. Вслѣдствіе этого «Китай» назывался также «Пожаромъ» [2]), а по средоточію въ немъ торговли—и «Торгомъ» или «Торговищемъ».

Эта часть города первоначально была окружена деревянно-землянымъ укрѣпленіемъ, вдоль внѣшней стороны котораго былъ вырытъ глубокій ровъ, наполненный водою изъ соединявшейся съ нимъ рѣчки Неглинки. То и другое было устроено въ 1534 году [3]) при правительницѣ Еленѣ изъ рода Глинскихъ, во время малолѣтства Іоанна Грознаго. Позднѣе, въ царствованіе этого государя, вокругъ Китая возведены были примыкавшія къ Кремлю каменныя стѣны съ башнями и воротами. Эти послѣднія находились въ концѣ главныхъ улицъ, какими были: Варварская (Варьская), Никольская и Ильинская. У Варварскихъ воротъ. называвшихся въ старину, по находящейся вблизи ихъ церкви, «Всесвятскими», былъ перекинутъ черезъ ровъ деревянный мостъ, носившій то же названіе. Подобные мосты имѣлись и при другихъ вратахъ. Вышеупомянутыя главныя улицы пересѣкались поперечными переулками, какъ, напримѣръ, Ипатьевскимъ, Посольскимъ и др. Мѣста пересѣченія назывались «крестцами» и имѣли особенное значеніе. Описываемая церковь стояла вблизи Варварскаго крестца и Китайской стѣны. близъ которой на берегу Неглинки стояли мельницы, отъ чего и церковь называлась «у Мельницъ». Внутри Китая находились площадки, пустыри, сады, огороды и множество церквей съ ихъ погостами или кладбищами, огороженными иногда

сплошными заборами или рѣшетками, но бо́льшею частью надолбами, и называвшимися «монастырями». Объ обиліи церквей въ этой части города можно судить, напримѣръ, по тому, что на пространствѣ отъ Никольскихъ и до Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ (91 саж.) существовало 15 церквей. Часть пространства внутри «Китая» занимали гостиные ряды и лавки, которые до 1596 года [4]) были преимущественно деревянными, а въ этомъ году закончено было строеніе каменныхъ. Близъ описываемой церкви, внизу подъ горою, у Китайской стѣны, производилась торговля суленая и квасная [5]). Ближайшіе же ряды съ другой стороны, у Варварскаго крестца, были: масляный, сельдяной, медовый, свѣчной и другіе [6]). Кромѣ того, въ «Китаѣ» находились многія общественныя зданія, какъ напримѣръ: тюрьмы (Варварскія), посольскіе, денежные, винные и мытные дворы, а также подворья, палаты знатныхъ бояръ, дьяковъ, гостей и иконописцевъ. Въ началѣ XVII вѣка рядомъ съ описываемою церковью и въ ея приходѣ находился дворъ съ каменными палатами, принадлежавшій, повидимому, весьма зажиточной и благочестивой купеческой семьѣ Никитникова. Въ то время хоромы строились преимущественно посреди двора, и, чѣмъ богаче былъ хозяинъ, тѣмъ обширнѣе стремился онъ устроить свой дворъ. Этотъ послѣдній у Никитникова имѣлъ въ длину 37 сажень, а поперекъ — 31 саж., тогда какъ лежащая рядомъ земля подъ церквью и кладбищемъ простиралась всего на 11 сажень въ длину и на 19 поперекъ [7]). Кромѣ этого владѣнія Никитниковъ имѣлъ поблизости еще и другое въ приходѣ Климента, папы римскаго, что у Варварскихъ воротъ [8]).

Въ 1626 году въ Москвѣ произошелъ весьма большой пожаръ, произведшій сильныя опустошенія въ „Китаѣ". Послѣ этого пожара указомъ царя Михаила Ѳеодоровича и патріарха Филарета отъ 12 мая 1626 года повелѣно было окольничьему Григорію Волхонскому и дьяку Василію Волкову перемѣрить и описать въ Среднемъ городѣ (т.-е. въ „Китаѣ") большія улицы, переулки и тупики. Составленъ былъ новый планъ Москвы, и, между прочимъ, на Варварскомъ крестцѣ раздвинуты были ряды: масляный, сельдяной, луковый и другіе, и между ними сдѣлана улица шириною свыше 3 сажень [9]). Трудно предположить, что въ этомъ пожарѣ могла уцѣлѣть деревянная Никитская церковь, находившаяся поблизости опустошеннаго имъ Варварскаго крестца, но изъ нея была, вѣроятно, вынесена и поэтому уцѣлѣла храмовая икона св. великомученика Никиты. Намъ извѣстно только, что въ 1628 году ея благочестивый прихожанинъ, ярославскій гость, Георгій Леонтьевъ Никитниковъ, на мѣстѣ бывшей деревянной церкви построилъ каменную, по нынѣ существующую, во имя Святой Живоначальной Троицы, съ придѣломъ во имя св. муч. Никиты [10]). По церкви и самое урочище, гдѣ она находилась, стало называться «Никитниками», а церковь—Живоначальной Троицы, «что у гостя Григорьева двора Микитникова» [11]). Поддержанію описываемой церкви содѣйствовалъ въ 1629 году другой ея прихожанинъ, дьякъ Иванъ Елисѣевъ Богдановъ-Щепоткинъ, завѣщавшій ей и причту въ городѣ, на Ильинкѣ, въ тогдашнемъ Покромномъ ряду, двѣ лавки [12]).

Позднѣе, въ 1653 году, описываемая церковь была увеличена пристройками и украшена стѣнописью на средства того же гостя Никитникова. Надпись, которая идетъ подъ изображеніями вдоль стѣнъ, возобновленная К. Я. Тромонинымъ, гласитъ слѣдующее: «Лѣта 7161 при державѣ благовѣрнаго и хрістолюбиваго Государя, Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея Русіи, въ осьмое лѣто блогочестивыя державы Царства его, совершена и подписана бысть церковь во имя Святыя Живоначальныя Троицы иждивеніемъ гостя Георгія Леонтьева сына Никитникова и сына его Андрея и внука его Бориса». При поновленіи стѣнописи въ 1845 году къ этой надписи

было прибавлено еще слѣдующее: «а поновлено вновь иконное и стѣнное писаніе сея святыя церкви въ лѣто отъ Рождества Христова 1845». Въ описываемой церкви находятся слѣдующіе престолы: Св. Жив. Троицы, св. велик. Никиты, св. Николая Чудотворца и св. Іоанна Богослова [13]). Въ 1654 — 5 годахъ, когда свирѣпствовала въ Москвѣ моровая язва, нужно полагать, умерли и строители описываемой церкви: Георгій Леонтьевъ Никитниковъ, его сынъ Андрей и внукъ Борисъ. Когда кладбища при приходскихъ церквахъ въ «Китаѣ» были упразднены, то нѣкоторые надгробные памятники не уничтожились благодаря тому, что были вмазаны въ стѣны съ внѣшней стороны храма. Между этими послѣдними находится и надгробный камень внука храмоздателя, Бориса, со слѣдующею надписью: «Лѣта 7163 (1655) года сентября въ 7 день, на память св. Великаго Іоанна Предтечи, преставися рабъ Божій Борисъ Андреевъ сынъ Никитникова» [14]). Въ описываемой церкви хранится памятникъ усердія къ ней сына храмоздателя Андрея Никитникова — это имъ устроенный рукописный синодикъ съ интересными заставками XVII вѣка, въ который, кромѣ именъ рода храмоздателя, записывались также и имена другихъ родовъ или фамилій, бывшихъ ея прихожанами. Между этими послѣдними встрѣчаются слѣдующія имена: Ивана Григорьева Булгакова, Михаила Плещеева, Степана Олябьева, Григорія Чернышова, Максима Матюшина, Симона Ушакова, гостей Левашевыхъ, Шориныхъ, Богдана Щепоткина и князя Ивана Андреевича Голицына. Тамъ же находимъ мы свѣдѣнія о вкладѣ бархатныхъ ризъ сибирскимъ царевичемъ Василіемъ Алексѣевичемъ въ 1683 году. Запись сдѣлана собственноручно царевичемъ.

Въ «Строельной книгѣ церковныхъ земель 7165 (1657) года» находимъ мы свѣдѣнія, что въ этомъ году единственною, оставшеюся въ живыхъ, владѣтельницею имущества Никитниковыхъ является вдова Бориса Андреевича, внука храмоздателя, Евдокія. Тамъ же указано, что описываемая церковь была «пригорожена во дворъ», и что «по нынѣшней мѣрѣ подъ церковью земли и кладбища въ длину 11 саж., поперекъ 19 саж. и то кладбище тѣсно, порожнихъ мѣстъ нѣтъ»; вслѣдствіе этого отъ земель сосѣднихъ владѣльцевъ, дьяка Ивана Щепоткина и вдовы Бориса Никитникова, Евдокіи, было урѣзано нѣсколько квадратныхъ сажень земли и прибавлено къ вышеупомянутому кладбищу, при чемъ прежняя его часть была огорожена наглухо заборомъ, а новая—«изрѣдко надолбами» [15]).

Въ 1654 году, во время чумы, описываемый храмъ прославили и обогатили чудотворенія его иконы Грузинской Божіей Матери (таблица VI, 14 и 15), описаніе которой приведено ниже; но особенно много содѣйствовалъ его украшенію царскій иконописецъ Симонъ Ушаковъ, написавшій въ 1657 — 68 годахъ нѣсколько замѣчательныхъ иконъ, украсившихъ его главный иконостасъ. Имена этого знаменитаго царскаго изографа и его родныхъ занесены въ вышеупомянутый синодикъ, что даетъ поводъ думать, что небольшой собственный его домикъ, о которомъ сообщаетъ намъ Г. Ю. Филимоновъ, находился въ приходѣ описываемой церкви [16]). Въ этомъ своемъ домѣ Симонъ Ушаковъ жилъ до 1668 года, когда вслѣдствіе прошенія ему былъ переданъ во владѣніе, находящійся неподалеку на Посольской улицѣ, дворъ Ксеніи Юдиной. Въ вышеупомянутомъ прошеніи Ушаковъ, между прочимъ, сообщалъ слѣдующее: «А дворишко у меня малое и въ грязи въ Китаѣ-городѣ и хоромишекъ построить для иконнаго письма и для учениковъ негдѣ», и просилъ себѣ у государя вышеуказанный дворъ съ тѣмъ, чтобы деньги съ него взыскали по оцѣнкѣ съ разсрочкою платежа. Просьба Ушакова была уважена, и онъ на нѣкоторое время сдѣлался обладателемъ желаемой недвижимости, исправилъ и обстроилъ ее затѣмъ по своему желанію; но въ 1672 году онъ

долженъ былъ уступить ее другому лицу, такъ какъ дворъ этого послѣдняго понадобился ближнему боярину, царскому тестю, Кириллу Полиевктовичу Нарышкину. Это послѣднее событіе привело къ крайнему разстройству всѣхъ дѣлъ Симона Ушакова, отъ котораго поступилъ затѣмъ цѣлый рядъ челобитныхъ, знакомящихъ насъ съ бытомъ и устройствомъ жилищъ иконописцевъ того времени[17]). Ниже сообщаются свѣдѣнія, касающіяся его произведеній, фотографическія репродукціи съ которыхъ помѣщаются на таблицахъ настоящаго изданія.

Относительно дальнѣйшей судьбы описываемой церкви И. М. Снегиревъ сообщаетъ, что въ Троицкій пожаръ 1737 г., начавшійся въ Бѣломъ городѣ и опустошившій Кремль и «Китай», она сохранилась невредимою. Въ переписной книгѣ значится, что послѣ пожара порожняя церковная земля, бывшая во владѣніи полковника князя Якова Сибирскаго, находилась въ заднемъ концѣ ко двору бароновъ Строгоновыхъ. Въ приходѣ этой церкви въ 1765 году былъ открытъ Китайскій воспитательный домъ, помѣщенный въ палатахъ князей Сибирскихъ, графа И. Г. Чернышева, бароновъ Строгоновыхъ и Колычевыхъ. Когда же въ 1770 году изъ Кремля были переведены въ нихъ Коллегіи, онъ присоединенъ былъ къ новому Воспитательному дому на Васильевскомъ лужкѣ. Церковь эта не избѣжала грабительства непріятелей въ 1812 году, но осталась невредимою. Внутри она поновлялась въ 1845 году, и ремонтъ ея совершается и въ настоящее время.

Оригинальный видъ описываемой церкви обращаетъ на себя всеобщее вниманіе (табл. II и III), но, къ сожалѣнію, въ настоящее время со стороны Китайской стѣны церковь застроена высокими многоэтажными домами; въ давнія же времена среди низенькихъ домиковъ обывателей этотъ храмъ долженъ былъ казаться особенно величественнымъ и красивымъ.

Стиль его зодчества относится къ такъ называемому «московско-русскому», о которомъ архитекторъ, профессоръ Н. В. Султановъ, сообщаетъ слѣдующее: «Съ помощью техническихъ познаній западныхъ зодчихъ и тѣхъ восточныхъ и византійскихъ художественныхъ элементовъ, которые были у нея подъ руками, а также и своихъ собственныхъ, Московская Русь создаетъ ту своеобразную и причудливую архитектуру, которая извѣстна подъ названіемъ «московской». Этотъ московско-русскій стиль достигаетъ своего наибольшаго, хотя далеко неполнаго, развитія въ XVI и XVII вв. и представляетъ намъ образцы самостоятельнаго русскаго искусства. Лучшими его созданіями, безспорно, слѣдуетъ считать: по каменной архитектурѣ — церковь въ с. Дьяковѣ, соборъ св. Василія Блаженнаго XVI в. и церкви XVII в.: Грузинской Божіей Матери въ Китай-городѣ въ Москвѣ и Троицы въ подмосковномъ селѣ Останкинѣ»[18]). Разсматривая описываемую церковь съ внѣшней стороны, мы прежде всего замѣчаемъ, что правильнаго фасада въ теперешнемъ смыслѣ она не имѣетъ, а все ея цѣлое составлено какъ бы изъ отдѣльныхъ разнородныхъ частей, что напоминаетъ типъ старинныхъ русскихъ деревянныхъ построекъ. Средняя квадратная ея часть безъ внутреннихъ столбовъ и прилегающія къ ней болѣе низкія части: съ востока—алтарь, съ запада—паперть съ колокольнею, съ сѣвера — трапезная съ придѣломъ святителя Николая Чудотворца, равно какъ отдѣльная пристройка къ юго-восточной части съ придѣломъ св. Никиты мученика,—все это поставлено на высокихъ подвалахъ по образцу подклѣтей деревянныхъ древне-русскихъ церквей и хоромныхъ построекъ. Входомъ на паперть церкви служитъ крыльцо съ значительно выдвинутою впередъ лѣстницею съ «рундуками» или площадками, изъ которыхъ первый рундукъ имѣетъ красивое шатровое прикрытіе на массивныхъ круглыхъ столбахъ, увѣнчанное крестомъ, вмѣсто котораго въ серединѣ XIX вѣка

находилось изображеніе ангела съ трубою, котораго нѣтъ уже въ настоящее время и не могло быть и въ древности (виньетка передъ текстомъ съ видомъ входа въ церковь); въ нижній рундукъ описываемаго крыльца ведутъ съ трехъ сторонъ по три ступени, слѣдующій рундукъ раздѣляетъ на двѣ части прямую, т.-е. безъ поворота, лѣстницу, третій—прилегаетъ ко входу на паперть. Крыльцо подобнаго устройства служило обычною принадлежностью старинныхъ русскихъ хоромъ, откуда перешло и въ зодчество нашихъ деревянныхъ и каменныхъ церквей. Изслѣдователь древне-русскаго быта и старины. И. Е. Забѣлинъ, о древне-русскомъ крыльцѣ сообщаетъ [19]), что въ древнемъ быту устройство его не ограничивалось только тѣмъ значеніемъ, что это былъ необходимый входъ въ жилище, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно представляло какъ бы своеобразное поприще, гдѣ неизмѣнно долженъ былъ проходить цѣлый особый порядокъ бытовыхъ отношеній. Вотъ почему и устройство крыльца выработалось въ особый строительный типъ. Къ древне-русскимъ хоромамъ пристраивалось оно, какъ независимая часть, особо и выдвигалось на середину передняго двора, занимая мѣсто между входомъ въ зданіе и воротами.

Фасадъ описываемой церкви раздѣленъ на части полуколонками романскаго стиля. Подобно деревяннымъ церквамъ, въ ней нѣтъ оконъ на сѣверной сторонѣ, и они расположены, главнымъ образомъ, по южному фасаду. Устроены окна съ раскосомъ внутрь, запирались они желѣзными ставнями, а рамы были снабжены желѣзными переплетами для вставленія слюды. Образчикъ одной такой древней рамы еще хранился въ серединѣ XIX вѣка на паперти церкви, о чемъ сообщаетъ намъ въ своемъ описаніи И. М. Снегиревъ. Объ окнахъ описываемой церкви ея реставраторъ, архитекторъ Л. В. Даль, сообщаетъ [20]), «что деревянныя церкви всего чаще имѣли съ южной стороны два или, если церковь высока, четыре окна и выше ихъ въ серединѣ икону; здѣсь фасады хотя и раздѣлены на три части, но одна часть застроена придѣломъ, такъ что остались на виду только два, что и навело сочинителя фасада на мысль поставить вверху, на средину, икону Богородицы. Нижняя пара оконъ (таблица III, 4), какъ болѣе видная, украшена съ особеннымъ тщаніемъ и обдѣлана бѣлымъ камнемъ, по которому вырѣзаны мелкіе узоры; въ правомъ окнѣ нельзя не признать вліянія кремлевскихъ теремовъ, равно какъ и на внутреннихъ двухъ рѣзныхъ дверяхъ церкви, лѣвое же чуть ли не принадлежитъ рѣзцу итальянцевъ, строившихъ при Василіи Темномъ. Верхніе сандрики этихъ оконъ, представляющіе какую-то передѣлку западныхъ фронтоновъ, употреблялись на деревѣ; на одномъ фронтонѣ поставленъ на уголъ четырехъугольный камень съ розеткою, другой прорѣзанъ, и въ немъ вставлена балясина, увѣнчанная чѣмъ-то похожимъ на индійскій лотосъ». Описывая далѣе фасадъ этой церкви, архитекторъ Л. В. Даль, между прочимъ, сообщаетъ, что «верхній плоскій и широкій карнизъ также кажется взятымъ съ дерева, хотя отдѣльные его обломы кирпичной архитектуры, а вставленные на уголъ изразцы составляютъ какъ бы отголосокъ тогдашняго способа украшенія кожи и матерій металлическими бляхами и пуговицами, а металловъ—дорогими камнями». Верхняя часть церкви заканчивается тремя ярусами кокошниковъ и пятью главами съ крестами, изъ которыхъ только одна фальшивая, а прочія совершенно каменныя. Разукрашенный южный фасадъ, нужно полагать, былъ обращенъ къ улицѣ, почему входъ сдѣланъ со стороны и составляетъ какъ бы продолженіе паперти. На сѣверо-западномъ углу построена восьмигранная шатровая колокольня. Устроенная въ ней церковь во имя св. Іоанна Богослова заняла, вѣроятно, мѣсто бывшей тутъ прежде кладовой. Восточная часть церкви съ тройнымъ алтарнымъ выступомъ утратила свои древнія окна, которыя были расширены и перенначены.

Архитекторъ Л. В. Даль полагаетъ, что церковь эта создана не строителемъ, а иконописцемъ, «знаменившимъ», т.-е. чертившимъ ея курчавые фасады, и высказываетъ предположеніе, что иконописецъ этотъ былъ Симонъ Ушаковъ. Съ этимъ послѣднимъ нельзя согласиться, такъ какъ Симонъ Ушаковъ родился въ 1626 году, т.-е. за два года до построенія описываемой церкви и, судя по датамъ его подписей на иконахъ, которыя онъ написалъ для любимаго имъ храма, онъ проявлялъ свои попеченія объ украшеніи его только четыре и болѣе лѣтъ спустя его переустройства въ 1653 году и совершалъ свои труды постепенно, а икону Владимірской Божіей Матери написалъ даже въ 1668 году. Можно было бы высказать съ увѣренностью предположеніе, что описываемый храмъ со всѣми его внѣшними и внутренними архитектурными украшеніями уже существовалъ въ эпоху художественной дѣятельности Ушакова и привлекъ къ себѣ вниманіе молодого, даровитаго изографа, который своими иконами какъ бы стремился дополнить его благолѣпіе.

Внутри церковь представляется составленною изъ совершенно отдѣльныхъ частей. Длинная паперть съ окнами на западъ упирается въ колокольню, на которую ведетъ узенькая каменная лѣстница. Тутъ же, подъ колокольнею, съ первой площадки имѣется входъ въ придѣлъ св. Іоанна Богослова, стѣнопись и иконостасъ котораго новые.

Внутреннія части шатра и навѣса надъ входной лѣстницею крыльца и паперть были расписаны al-fresco, по впослѣдствіи и, вѣроятно, въ 1845 году написаны масляными красками. Между изображеніями хорошо сохранилось и интересно то, которое находится надъ входомъ въ шатеръ крыльца и представляетъ блаженство св. праотцевъ ветхозавѣтной церкви, возсѣдающихъ среди райскихъ деревъ, и прислуживающихъ имъ въ бѣлыхъ одеждахъ отроковъ (таблица IV, 8).

Входъ съ паперти въ трапезную часть церкви закрывается массивными желѣзными дверями, которыя были украшены металлическими прорѣзными розетками, съ подложенною крашеною слюдою, и расписаны золотымъ орнаментомъ, но роспись эта сокрыта подъ слоемъ краски. Наличники входной двери были также расписаны орнаментомъ, сокрытымъ подъ новымъ слоемъ масляной краски, и съ обѣихъ сторонъ огорожены желѣзными рѣшетками съ насѣченнымъ рисункомъ (таблица V, 10). Изъ трапезной широкій, съ круглою аркою, входъ ведетъ въ главный храмъ. Онъ обдѣланъ бѣлымъ камнемъ и украшенъ рѣзнымъ орнаментомъ (таблица V, 11). Въ лѣвомъ углу трапезной невысокая дверь ведетъ въ полутемный придѣлъ во имя св. Николая Чудотворца.

Церковь внутри расписана была прежде также al-fresco, но переписана масляными красками; начерченные же иглою контуры фресокъ еще видны сквозь масляную краску. На стѣнахъ, не исключая оконныхъ амбразуръ, изображены рядами событія изъ Евангелія и притчи Спасителя; распятіе и вознесеніе изображены уже на сводѣ.

Подъ пятами свода устроены съ трехъ сторонъ въ два ряда голосники, а своды подъ абсидами наполнены ими сплошь; они состоятъ изъ обожженныхъ горшковъ, заложенныхъ въ стѣну такъ, что ихъ отверстія приходятся къ внутренней поверхности стѣны или свода. Ихъ назначеніе, по словамъ того же Л. В. Даля, не усиленіе звука, какъ прежде предполагалось, а уничтоженіе отголоска или отраженія отъ нижнихъ сводовъ и пятъ верхняго свода, не доходя до котораго голосники задерживаютъ подымающуюся по стѣнѣ волну звука и, такъ сказать, раздробляютъ ее своими отверстіями [21]).

Двери съ южной и сѣверной сторонъ ведутъ въ придѣлы: первая (табл. V, 13)—св. Никиты мученика, а вторая (таблица V, 12)—св. Николая Чудотворца. Наличники дверей изъ бѣлаго камня покрыты вычурною рѣзьбою, напоминающею собою орнаментику отчасти западныхъ и восточныхъ стилей, хотя въ чисто-русской переработкѣ [22]).

Въ первой половинѣ XVII вѣка въ Москвѣ при Каменномъ Приказѣ уже находились рѣзчики каменныхъ дѣлъ, занимавшіеся вырѣзываніемъ или высѣканіемъ на камнѣ травъ, разныхъ узоровъ, каемъ, лѣтописныхъ словъ и т. д. Рѣзчики приготовляли изъ камня всѣ рѣзныя детальныя украшенія въ зданіяхъ, наличники дверей и оконъ, пояса, карнизы и всякаго рода обломы. До насъ дошло и нѣсколько именъ такихъ рѣзчиковъ по камню, какъ напримѣръ, Семенъ Баженъ (1616 г.), Ѳедоръ Тарасовъ (1634 г.), Петръ Тепловскій (1616 г.) и т. д. О послѣднемъ упоминается [23]), что онъ былъ первый знаменщикъ и травный писецъ, т.-е. рисовальщикъ Каменнаго Приказа... Изъ вышеприведеннаго становится очевиднымъ, что при дворѣ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ были и каменныхъ дѣлъ мастера или, какъ ихъ звали, «подмастерья», умѣвшіе «знаменить» или рисовать орнаменты для разныхъ каменныхъ подѣлокъ, и что эта послѣдняя работа могла не быть въ зависимости отъ участія въ ней исключительно иностранцевъ или знаменщиковъ-иконописцевъ, въ родѣ Симона Ушакова и др. Вотъ почему вышеупомянутые рѣзные каменные наличники могли свободно уже существовать до переустройства описываемой церкви въ 1653 году, такъ какъ богатый гость Никитниковъ могъ привлечь для этой работы искусныхъ мастеровъ и изъ Каменнаго Приказа, и не этимъ ли можно объяснить сходство нѣкоторыхъ заорнаментированныхъ наличниковъ съ подобнаго рода украшеніями кремлевскихъ царскихъ теремовъ, о чемъ упоминаетъ Л. В. Даль [24]).

На сводахъ и стѣнахъ алтаря въ кругахъ изъ травъ и цвѣтовъ написаны семь таинствъ, апостолы, пророки, праотцы и святители. Изображенія эти, какъ и вся стѣнопись въ храмѣ, переписаны масляными красками, но, судя по нѣкоторымъ изображеніямъ и травному орнаменту, рисунокъ сохранилъ въ общемъ первоначальный характеръ. Алтарь съ коробовыми сводами и съ голосниками освѣщенъ тремя окнами. Престолъ возвышенъ отъ помоста на двѣ ступени, и надъ нимъ устроена на семи столпахъ сѣнь.

Но самымъ лучшимъ украшеніемъ описываемаго храма является рѣзной позолоченый иконостасъ о 6-ти ярусахъ, устроенный, вѣроятно, около 1653 года при возобновленіи церкви (таблица III, 5). Его составляютъ четыре поперечныя балки, укрѣпленныя въ противоположныя стѣны, на которыхъ поставлены тѣсно одна къ другой иконы. Рѣзныя деревянныя украшенія, въ видѣ отдѣльныхъ квадратныхъ частей, наложены такъ, что тонкія рѣзныя полуколонки весьма изящнаго рисунка прикрываютъ мѣста соприкосновенія иконъ. Широкія балки покрыты соотвѣтственной ширины рѣзными карнизами. Старинная позолота этого древняго иконостаса удивляетъ спеціалистовъ своею прочностью. Верхній ярусъ заканчивается рядомъ гладкихъ кокошниковъ съ вырѣзанными осьмиконечными крестами. Между остріями кокошниковъ укрѣплены рѣзныя золоченыя изображенія херувимовъ [25]). Нижняя часть иконостаса съ рѣзьбою иного рисунка, очевидно, болѣе поздняго устройства (таблица IV, 7). Рѣзныя золоченыя царскія врата изящнаго оригинальнаго рисунка вмѣщаютъ въ себѣ въ клеймахъ изображенія Благовѣщенія и евангелистовъ, повидимому, Палеховскихъ мастеровъ конца XVIII или начала XIX вѣка, но писанныя въ Москвѣ, такъ какъ въ нихъ замѣтно вліяніе образцовъ академической живописи.

Верхній поясъ иконостаса — праотческій, ниже котораго послѣдовательно идутъ пояса: пророческій, праздничный и Деисусный или апостольскій. Всѣ иконы верхнихъ поясовъ такъ называемыхъ строгоновскихъ писемъ съ зеленымъ фономъ. Доличное покрыто обильно золотыми пробѣлами. Заслуживаютъ вниманія посреди 5 пояса икона Божіей Матери, возсѣдающей на тронѣ въ облакахъ, и посреди 6 пояса—икона Господа Саваоѳа, безъ изображенія Бога Слова и Святаго Духа, въ бѣлой одеждѣ, съ благословляющею десницею, въ шуйцѣ держащаго землю. Фономъ иконы служатъ красныя

облака. Ниже, надъ мѣстными иконами, находится поясъ, состоящій изъ 9 круглыхъ нижеописанныхъ иконъ учителей вселенской церкви кисти Симона Ушакова (таблицы XII—XIV). Эти послѣднія размѣщены такъ, что шесть иконъ находятся непосредственно въ иконостасѣ, а остальныя на его заворотахъ, прилегающихъ къ южной и сѣверной стѣнамъ храма. Г. Ю. Филимоновъ высказываетъ [26]) предположеніе, что эти иконы, вмѣстѣ съ подобнаго же вида погрудымъ изображеніемъ Спасителя въ образѣ Великаго Архіерея Небесъ, находящимся надъ входною аркою въ трапезной части храма, имѣли первоначально иное назначеніе и что помѣщеніе ихъ въ иконостасѣ должно было вызвать его переустройство, при чемъ тяблы были повышены.

Слѣва отъ царскихъ вратъ въ кіотѣ, поддерживаемомъ двумя рѣзными фигурами ангеловъ, находится чудотворный образъ Грузинской Божіей Матери (таблица VI, 14 и 15). Далѣе, между сѣверными вратами и стѣною, помѣщается икона Владимірской Божіей Матери кисти Симона Ушакова (таблица VII—IX), а на заворотѣ—икона Благовѣщенія съ изображеніемъ акаѳиста Божіей Матери въ клеймахъ, писанная тѣмъ же изографомъ съ товарищами (таблица X и XI). Объ Ушаковскихъ иконахъ описываемой церкви будетъ упомянуто ниже. Слѣдующая икона на заворотѣ иконостаса у сѣверной стѣны—св. Іоанна Богослова съ изображеніемъ житія въ клеймахъ. Направо отъ царскихъ вратъ находится храмовая икона св. Троицы высокаго достоинства, повидимому, XVII вѣка и, по характеру письма, строгоновскихъ писемъ, на что даютъ указанія: рисунокъ, колера, обильная золотая пробѣлка и прописанный же золотомъ тонкій, изящный орнаментъ на каймахъ одѣяній доличнаго. Свидѣтельство И. М. Снегирева объ этой иконѣ, что она московскихъ писемъ и не высокаго достоинства, по моему мнѣнію, лишено основанія. Слѣдующая икона—Сошествія Святого Духа нѣсколько иного характера письма, съ бѣлыми, а не золотыми пробѣлами, написана не позже начала XVIII вѣка. Всѣ прочія иконы какъ мѣстныя, такъ и въ самой церкви, большею частью новыя и не высокаго достоинства. Въ алтарѣ есть иконы и старыя, но испорченныя реставраціей, ожидающія расчистки.

Пятиярусный иконостасъ въ придѣлѣ св. Никиты мученика, по достоинству иконъ, представляетъ цѣнный матеріалъ для изслѣдованія нашей древней иконописи. Иконы поставлены сплошь на четырехъ поперечныхъ балкахъ, задѣланныхъ прочно съ обѣихъ сторонъ въ стѣны и покрытыхъ съ внѣшней стороны разнымъ, простого рисунка, орнаментомъ. Иконы раздѣлены поперечными полуколонками, наглухо задѣланными въ балки. Весь иконостасъ прилегаетъ плотно къ каменной восточной стѣнѣ церкви. Иконы въ этомъ иконостасѣ тоже такъ называемыхъ строгоновскихъ писемъ, и въ нихъ замѣтно значительное вліяніе образцовъ западной живописи, такъ напримѣръ, характерно изображеніе неба и облаковъ въ колерахъ, соотвѣтствующихъ естественному виду, на иконѣ Спасителя въ Деисусномъ поясѣ. Надъ этимъ послѣднимъ помѣщается поясъ праздничный съ иконами высокаго достоинства, избѣжавшими, повидимому, реставраціи (таблица XV², 37—45). Всѣхъ иконъ въ немъ—двѣнадцать. Особенно интересны слѣдующія: бесѣда Господа съ самарянкою, исцѣленіе слѣпого, преполовеніе, сошествіе во адъ, исцѣленіе разслабленнаго, вознесеніе и сошествіе Святаго Духа на апостоловъ. Заслуживаетъ вниманія палатное письмо на нѣкоторыхъ изъ этихъ иконъ, представляющее собою соединеніе западныхъ стилей съ русскимъ. Содержаніе иконы исцѣленія разслабленнаго также представляетъ значительный интересъ: Спаситель, за Которымъ слѣдуютъ ученики и народъ, простираетъ десницу къ исцѣленному больному, несущему свой одръ. Фототипіи девяти иконъ этого пояса помѣщаются на послѣдней таблицѣ настоящаго изданія [27]). Выше пояса праздничнаго находятся пояса пророческій и пра-

отческій. Иконы этого послѣдняго пояса заканчиваются кокошниками и укрѣплены на иконостасѣ по причинѣ закругленія свода въ нѣсколько наклонномъ положеніи.

Среди мѣстныхъ иконъ особаго вниманія заслуживаетъ образъ Божіей Матери въ ростъ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, въ коронѣ, и какъ бы парящей въ облакахъ надъ горою, у подошвы которой изображены въ колѣнопреклоненной позѣ св. Андрей Критскій и св. Георгій Хезовитъ, святые, очевидно, тезоименные Георгію (а не Григорію) и его сыну Андрею Никитниковымъ, устроителямъ и возобновителямъ описываемаго храма. Отмѣчаемъ, какъ особенно достойное вниманія, изображеніе херувимовъ въ облакахъ въ естественныхъ колерахъ вокругъ Богоматери, указывающее въ иконописцѣ, писавшемъ икону, знакомство съ образцами западной живописи. Лики смотрящихъ вверхъ на Богоматерь святыхъ весьма высокаго достоинства и могутъ служить прекрасными образцами для подражанія. Иконописная манера ихъ письма сохраняетъ всѣ традиціонныя свои особенности. Изображеніе ангела на сѣверной двери и мѣстная икона Спасителя—новыя и не высокаго достоинства. Икона Тихвинской Божіей Матери, у сѣверной стѣны придѣла, складками одежды напоминающая—іерусалимскую, реставрировалась, но, повидимому, древняя. Икона храмовая святого мученика Никиты (таблица XIV, 36), мѣрою $26^1/_2 \times 19^1/_2$ вершковъ, московскихъ писемъ, значительно поновлена въ краскахъ. На ней имѣется надпись слѣдующаго содержанія: «7087 (1579) года поставлен обра Владимиром Огофоновым сыномъ Темижевымъ по родителехъ своихъ» [28]). Святой изображенъ въ ростъ, въ воинскомъ доспѣхѣ, съ крестомъ въ десницѣ и съ мечомъ въ шуйцѣ. Мушки на нагавицахъ и на мечѣ—позднѣйшія добавленія реставраціи. Вокругъ въ 14 клеймахъ изображены событія изъ жизни святого.

Въ Никитскомъ придѣлѣ и въ главной церкви висятъ старинныя мѣдныя паникадила съ двуглавыми орлами, что даетъ поводъ думать, что это царскій вкладъ. Въ главномъ храмѣ особенно замѣчательны два деревянныхъ клироса (таблица III, 6) въ родѣ открытыхъ многоугольныхъ бесѣдокъ съ пятью подъемными лавками внутри. Ихъ вычурные рѣзные подзоры, съ рѣзными же изображеніями херувимовъ, поддерживаются одиннадцатью точеными столбиками. Нижняя часть ихъ украшена полуколонками, а основаніемъ служитъ помостъ съ двумя ступенями для входа. На внѣшней сторонѣ написаны 12 сыновей праотца Іакова. Всѣ гладкія и выпуклыя части, гзымсы и столбики окрашены разными красками. Эти переносные клиросы напоминаютъ сходствомъ древніе амвоны въ родѣ, напримѣръ, Софійскаго собора въ Новгородѣ, устроеннаго въ 1533 году владыкою Макаріемъ. Подобный амвонъ, согласно описи 1627 года, былъ и въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. И. М. Снегиревъ высказываетъ предположеніе, что эти описываемые клиросы были устроены въ подражаніе такимъ амвонамъ, гдѣ почти закрытые пѣвцы и чтецы могли быть слышны предстоящимъ въ храмѣ. Клиросы эти занимаютъ значительную часть внутренней площади храма, что, впрочемъ, при малочисленности прихожанъ врядъ ли могло служить неудобствомъ.

Никольскій придѣлъ (таблица IV, 9), устроенный, вѣроятно, еще Никитниковыми въ 1653 году, при увеличеніи и возобновленіи храма, внутри не сохраняетъ ничего древняго, за исключеніемъ нижеописываемой иконы Спаса Нерукотвореннаго кисти Симона Ушакова (таблица XIV, 35), находящейся надъ нижнимъ клиросомъ, да, быть можетъ, нѣкоторыхъ иконъ, записанныхъ реставраціею или сокрытыхъ подъ сплошною ризою, знакомству съ которыми препятствуетъ и недостатокъ свѣта, такъ какъ эта часть храма освѣщена единственнымъ окномъ, выходящимъ не наружу, а въ смежное закрытое помѣщеніе. Мѣстною иконою въ этомъ придѣлѣ служитъ копія съ чудотворной иконы Грузинской Божіей Матери, въ которой не переданы многія достоинства оригинала. Ни-

кольскій придѣлъ возобновленъ на средства И. П. Лобкова, и нѣкоторые образа его написаны иконописцемъ П. И. Сапожниковымъ. Престолъ освященъ въ 1812 году, 21 декабря [29]). Вообще же объ устроеніи придѣловъ описываемаго храма имѣются пока весьма скудныя и сбивчивыя свѣдѣнія; такъ, напримѣръ, о вышеупомянутомъ придѣлѣ во имя св. Іоанна Богослова подъ колокольнею И. М. Снегиревъ сообщаетъ, что онъ, вѣроятно, устроенъ Иваномъ Щепоткинымъ во имя своего ангела, что должно было совершиться около 1629 года, такъ какъ въ его дарственной грамотѣ на лавки упоминается, что въ то время Щепоткинъ пришелъ въ великую старость и дряхлость. Архитекторъ Л. В. Даль, реставрировавшій эту церковь въ прошломъ вѣкѣ, высказываетъ предположеніе, что шатровая колокольня при переустройствѣ церкви въ 1653 году смѣнила бывшую на этомъ мѣстѣ болѣе древняго устройства звонницу. Но почему шатровая колокольня не могла быть выстроена и около четверти вѣка ранѣе, т.-е. при первоначальномъ устройствѣ церкви? Было бы желательно, чтобы этотъ храмъ, какъ замѣчательный памятникъ древне-русскаго зодчества, былъ основательно изслѣдованъ и описанъ съ архитектурной стороны, чему могла бы способствовать совершающаяся въ настоящее время его реставрація подъ руководствомъ компетентнаго въ дѣлѣ архитектора, уполномоченнаго Московскимъ Археологическимъ обществомъ.

Въ настоящее же время устраивается въ нижнемъ этажѣ описываемой церкви на средства А. В. Александрова храмъ во имя чудотворной иконы Грузинской Божіей Матери въ память посѣщенія 12 апрѣля 1900 года настоящей церкви Ихъ Императорскими Величествами, Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицею, а также въ память 250-лѣтія устройства и прославленія чудотворной иконы Грузинской Божіей Матери.

Заканчивая настоящее краткое описаніе церкви Грузинской Божіей Матери, хранящей въ себѣ драгоцѣнные памятники русской древней иконописи, перехожу къ ихъ краткому описанію.

Замѣчательныя иконы церкви Грузинской Божіей Матери.

Икона Благовѣщенія (таблицы X, 22 и XI, 23 и 24). Икона писана на доскѣ безъ выемокъ, размѣромъ въ два аршина длиною. Внизу въ клеймѣ имѣется надпись со слѣдующимъ содержаніемъ: «написася сія икона къ ц. св. Троицы, строеніе гостя Григорія Никитникова, что въ Китаѣ-городѣ. Писа до лицъ сей образъ Яковъ Казанецъ долицъ же (ону) икону довершилъ Гавріилъ Кондратьевъ, лица у кои иконы писалъ Симонъ Ѳедоровъ, сынъ Ушаковъ. Написася отъ созданія міра 7167 г., отъ воплощенія Сына Божія 1659 г. іюля въ 28 день». Безъ сомнѣнія, рисунокъ иконы знаменитъ Симонъ Ушаковъ. Въ этой своей работѣ Ушаковъ выказалъ значительное художественное творчество, такъ какъ рисунки нѣкоторыхъ клеймъ воспроизведены имъ вновь. Позволяя себѣ разнаго рода отступленія въ деталяхъ отъ традиціонныхъ формъ иконописи, онъ, видимо, стремился держаться преданія. Характеръ рисунка и колера красокъ иконы соотвѣтствуютъ встрѣчаемымъ нами на лучшихъ иконахъ такъ называемыхъ строгоновскихъ писемъ, что, какъ упоминалось въ предисловіи, было отмѣчено и Д. А. Ровинскимъ. Благовѣщеніе изображено посреди иконы и окружено 12 семивершковыми клеймами съ изображеніями, соотвѣтствующими по содержанію кондакамъ акаѳиста Божіей Матери. Лица главнаго центральнаго изображенія выполнены превосходно. Личики клеймъ мѣстами утратили полутона тушевки и внизу иконы носятъ слѣды реставраціи. Доличное отличается тщательностью и изяществомъ выполненія. Особенно хорошо палатное письмо на всей иконѣ, представляющее соединеніе разныхъ стилей, но все это запечатлѣно оригинальнымъ русскимъ вкусомъ. Рисунокъ такъ поразительно разнообразенъ и даетъ въ деталяхъ столь причудливыя и изящныя архитектурныя формы, что приходится удивляться выдающейся фантазіи даровитаго царскаго изографа, знаменившаго эту икону. Снятый съ поверхности трехъ клеймъ иконы загрязненный верхній слой олифы позволяетъ видѣть оригинальные тона тщательной окраски малѣйшихъ деталей иконы и особенно палатъ, на которыхъ подборъ колеровъ сдѣланъ съ большимъ вкусомъ, и краски накладывались съ постепенными, едва замѣтными переходами отъ тѣней къ свѣту. Первыя два клейма расчищены въ полъолифы. Начатая расчистка третьяго клейма менѣе удачна, такъ какъ олифа мѣстами снята до красокъ, и вслѣдствіе того, что отъ столь стараго нижняго слоя олифы трудно ожидать, что въ этихъ мѣстахъ эта послѣдняя самостоятельно проступитъ и зальется, то при продолженіи реставраціи потребовалось бы осторожной прифурки этихъ мѣстъ старой олифою. Эта драгоцѣнная икона съ тремя свѣтлыми расчищенными клеймами и остальными еще покрытыми темными загрубѣлыми сгустками болѣе позднихъ слоевъ олифы, представляетъ пока далеко неутѣшительный видъ и ожидаетъ осторожной и тщательной реставраціи, тѣмъ болѣе, что столь значительные сгустки олифы уже зарубцевываются и грозятъ порчею краскамъ иконы. Но

нужно быть признательными Московскому Археологическому обществу хотя и за то, что со стороны его не было препятствія къ удаленію восковыхъ пятенъ, покрывавшихъ почти сплошь всю нижнюю поверхность иконы. Устроенный недавно кіотъ со стекломъ предохранитъ эту икону отъ поврежденій. Изъ клеймъ особенно замѣчательно первое (таблица XI, 23): «Взбранной воеводѣ побѣдительная», представляющее избавленіе Константинополя отъ непріятелей. Тутъ изображены стѣны и строенія Константинополя, греческая и непріятельская конница, готовая вступить въ бой, и внизу клейма, на берегу бушующаго моря, совершающееся чудо черезъ погруженіе въ воду патріархомъ части ризы Богоматери.

Второе клеймо (таблица XI, 24), соотвѣтствующее содержанію кондака: «сила Вышняго осѣнитъ тогда къ зачатію браку непкуснѣй», представляетъ Благовѣщеніе.

Фототипическіе оттиски этихъ двухъ расчищенныхъ клеймъ помѣщены на таблицѣ настоящаго изданія, а, какъ сообщалось выше, всѣ клейма этой замѣчательной иконы предполагается достойно воспроизвести въ изданіи Высочайше утвержденнаго Комитета попечительства о русской иконописи.

Икона Владимірской Божіей Матери (таблица VII—IX, 16—21) написана Ушаковымъ на доскѣ безъ выемокъ у полей полностью, т.-е. безъ участія товарищей доличниковъ, что видно изъ собственноручной подписи Ушакова внизу иконы, гласящей слѣдующее: „Писана сія икона отъ сотворенія свѣта текущаго подъ солнцемъ 7176 (1668) лѣта, во дни благочестиваго и христолюбиваго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца. А писалъ сій образъ его государевъ зографъ Пименъ, зовомый Симонъ Ушаковъ“. Икона представляетъ въ овалѣ изображеніе Владимірской Божіей Матери, занимающее центральное и главное мѣсто на деревѣ, на боковыхъ вѣтвяхъ котораго размѣщены въ двадцати круглыхъ клеймахъ изображенія святыхъ русской православной церкви, патріарховъ и царей, со свитками въ рукахъ, имѣвшихъ отношеніе къ постепенному ходу историческихъ событій, послужившихъ къ утвержденію и прославленію святой православной русской церкви. Подписи на клеймахъ гласятъ слѣдующее: 1. Благовѣрный царевичъ Димитрій. 2. Благовѣрный царь Ѳеодоръ. 3. Благовѣрный князь Михаилъ. 4. Агіосъ Филаретъ патріархъ. 5. Агіосъ Іевъ (Іовъ) патріархъ. 6. Агіосъ Филиппъ митрополитъ. 7. Агіосъ Фотій митрополитъ. 8. Агіосъ Іона митрополитъ. 9. Кипріанъ митрополитъ. 10. Агіосъ Алексій митрополитъ. На правой вѣтви: 11. Агіосъ Іоаннъ. 12. Агіосъ Василій Блаженный. 13. Агіосъ Максимъ Блаженный. 14. Преподобный Андроникъ. 15. Преподобный Симонъ. 16. Преподобный Пафнутій. 17. Преподобный Сергій. 18. Преподобный Савва. 19. Преподобный Александръ князь. 20. Преподобный Никонъ. Внизу иконы, за стѣнами московскаго Кремля съ башнями и со Спасскими и Никольскими вратами, изображенными совершенно вѣрно, св. Петръ митрополитъ въ основаніи московскаго Успенскаго собора насаждаетъ вышеупомянутое мощное древо — символъ русской православной церкви, первоначальному росту котораго способствуетъ поливающій изъ сосуда князь Іоаннъ Даниловичъ Калита (таблица IX, 20). По сторонамъ предстоятъ дѣятели современныхъ Ушакову событій—на пользу того же святого дѣла—благочестивый государь Алексѣй Михайловичъ (таблица VIII, 18) и, по другую сторону, его супруга царица Марія Ильинична съ царевичами Алексѣемъ и Ѳеодоромъ (таблица VIII, 19). На верху иконы изображенъ Спаситель съ двумя прислуживающими Ему ангелами, осѣняющій икону Своимъ святымъ покровомъ. По сторонамъ Спасителя имѣются слѣдующія надписи: «Побѣждаяй облечется въ ризу бѣлу и не испишутъ его отъ книги животныя», а также: «Буди мнѣ вѣренъ до смерти и дамъ ти вѣнецъ живота». Надъ изображеніями трудя-

щихся по насажденію древа св. Петра митрополита и Іоанна Калиты имѣются слѣдующія надписи: «Господи, призри съ небеси и виждь»; съ другой стороны: «И посѣти виноградъ сей и соверши, его же насади десница Твоя». Вышеописанная икона по своей композиціи представляетъ лучшій памятникъ самостоятельнаго творчества Ушакова, хотя иконы съ изображеніемъ древа Іессея въ соотвѣтствующихъ формахъ и встрѣчались у насъ въ XVII вѣкѣ и позднѣе на иконахъ Ушаковской школы, что мы находимъ, напримѣръ, на иконѣ городского Суздальскаго собора, писанной при родственникѣ и другѣ Ушакова, святителѣ Илларіонѣ. Помимо своего историческаго значенія, по изображенію на ней государя, его семьи и московскаго Кремля, икона эта не лишена высокаго интереса, какъ лучшее оригинальное произведеніе даровитаго русскаго художника того времени. Относительно самаго изображенія Богоматери (таблица VII, 17) встрѣчаются различныя сужденія. Г. Ю. Филимоновъ высказываетъ объ этомъ слѣдующее: [30]) «Мы не можемъ указать ни одной иконы въ русской иконописи, въ которой бы ликъ Богоматери былъ написанъ удачнѣе... Это положительно лучшій типъ, выработанный русскою иконописью, тотъ типъ идеальной красоты, о которомъ упоминается въ посланіи зографа Іосифа къ Симону Ушакову...» Приходилось мнѣ слышать и противоположныя мнѣнія, что въ этомъ изображеніи нѣтъ достоинствъ Ушаковскаго письма, а также, что реставрація видоизмѣнила внѣшній видъ изображенія и т. д. Нѣкоторыя личики клеймъ и отчасти ликъ царя Алексѣя Михайловича нѣсколько утратили полутона тушевки, но ликъ Богоматери сохранился прекрасно, слѣдовъ реставраціи на немъ не видно, и только олифа въ нижней части овала неисправна. Этотъ ликъ Богоматери не лишенъ высокаго достоинства, что замѣтно и на фототипіи. Осторожная, самая легкая расчистка верхняго слоя олифы желательна тѣмъ болѣе, что снятыя обильныя восковыя пятна съ поверхности иконы безъ этой первой операціи все-таки оставляютъ еще замѣтные слѣды... Въ этотъ періодъ дѣятельности Ушакова, очевидно, складывалось въ немъ умѣніе изображать лики Богоматери и святыхъ женъ и юношескіе лики святыхъ съ тѣми художественными достоинствами красоты, каковыми отличаются изданныя мною его произведенія въ иконостасѣ Смоленскаго собора московскаго Новодѣвичьяго монастыря. Настоящая икона должна служить цѣннымъ матеріаломъ при знакомствѣ съ художественной дѣятельностью Ушакова и съ тѣмъ направленіемъ въ русской иконописи, которымъ, главнымъ образомъ, она ему обязана...

Икона Спаса Нерукотвореннаго (таблица XIV, 35) написана на четыреугольной доскѣ безъ выемовъ, мѣрою въ 10 вершковъ длины и 8 ширины. Надпись внизу иконы гласитъ слѣдующее: «Писалъ государевъ иконописецъ, въ лѣто 7166, Симонъ Ѳедоровъ Ушаковъ». Убрусъ и поля иконы съ надписью сохранились, но ликъ Спасителя безжалостно переписанъ темною масляною краскою, вѣроятно, по иниціативѣ какого-нибудь ревнителя-фанатика древней иконописи, которому не нравился первоначальный Ушаковскій ликъ Спасителя, написанный въ свѣтлыхъ тонахъ. Наложенная поверхъ прежняго изображенія и старой олифы темная масляная краска съ незначительнымъ, вѣроятно, отступленіемъ въ рисункѣ отъ оригинала зарубцевалась, и свѣтлый тонъ Ушаковскихъ красокъ отъ слоя олифы кажется въ трещинахъ блестящимъ и золотымъ... Тщательная и искусная расчистка при реставраціи могла бы обнаружить первобытный Ушаковскій ликъ Спасителя, соотвѣтствующій, вѣроятно, аналогичной иконѣ ризницы Троицкой лавры... Икона эта помѣщается съ внѣшней части праваго клироса Никольскаго придѣла; ранѣе она находилась на аналоѣ въ Никольскомъ придѣлѣ, а затѣмъ надъ дверью, ведущею изъ перваго придѣла въ главную церковь...

Икона Великаго Архіерея (таблица XIV, 34) представляетъ поплечное изображеніе

Спасителя въ образѣ архіерея, по чину Мельхиседекову. Написано оно въ кругѣ на восьмиугольной доскѣ, внизу которой имѣется слѣдующая, неизвѣстно кѣмъ сдѣланная, надпись: «Написана царскимъ мастеромъ Симономъ Ушаковымъ въ 7165 (1657) лѣто, въ царство царя Алексѣя Михайловича». Хотя доска иконы восьмиугольной формы, по своимъ размѣромъ она соотвѣтствуетъ нижеописаннымъ Ушаковскимъ клеймамъ и поэтому даетъ поводъ думать, что ей предназначалось занимать въ иконостасѣ центральное среди нихъ положеніе, но эти первыя по характеру письма мало имѣютъ общаго съ описываемою иконою, въ которой не замѣчается столь значительнаго уклоненія отъ иконописи къ «живству»... Въ клеймахъ же святителей замѣчается уже опытная въ этомъ направленіи рука даровитаго изографа, и потому можно предположить, что они были написаны Ушаковымъ нѣсколько лѣтъ позднѣе, и самое присутствіе ихъ въ иконостасѣ описываемаго храма не выясняетъ еще окончательно первоначальной причины ихъ устройства.

Видѣнная же Тромонинымъ икона Симона Ушакова тоже съ датою 1657 года, на которой основывается время рожденія Ушакова, пока не обнаружена, чему, впрочемъ, могутъ способствовать послѣдующія реставраціи иконъ описываемаго храма.

Девять иконъ учителей Вселенской церкви (таблицы XII — XIV, 25—33). Эти девять клеймъ написаны на круглыхъ доскахъ приблизительно около 13—14 вершковъ въ діаметрѣ и представляютъ погрудныя изображенія святителей въ ризахъ, въ саккосахъ и съ омофорами, при чемъ одинъ изъ нихъ въ епископской митрѣ, а прочіе съ непокрытыми головами. Имена ихъ слѣдующія: свв. Діонисій Ареопагитъ, Кириллъ Александрійскій, Епифаній Кипрскій, Григорій Нисскій, Іаковъ братъ Господень, Амвросій Медіоланскій, Игнатій Богоносецъ, Григорій Неокессарійскій и Аѳанасій Александрійскій. Характеръ письма, столь оригинальный и исключительный для того времени, и надписи указываютъ, что иконы писаны Симономъ Ушаковымъ. Въ этихъ иконахъ естественность природы, или, какъ въ то время называлось, «живство» вполнѣ возобладало надъ условною традиціонною иконописью. Коричневатый тонъ ликовъ смѣнили тутъ свѣтлыя краски, соотвѣтствующія естественному цвѣту лица, но еще видна и иконописная манера, напримѣръ, въ рисовкѣ волосъ. Едва ли не въ этихъ произведеніяхъ Ушакова можно усмотрѣть самыя смѣлыя попытки со стороны иконописца того времени совершенствовать художественную сторону иконописи.

Чудотворная икона Грузинской Божіей Матери (таблица VI, 14, 15). Настоящая икона представляетъ собою списокъ съ чудотворной иконы Богоматери Грузинской, находящейся въ Красногорскомъ монастырѣ, Архангельской губерніи. Эта послѣдняя святая икона находилась первоначально въ Грузіи, но во время войны съ Персіей вмѣстѣ съ другими сокровищами была вывезена, около 1622 года, завоевателями-персами въ ихъ землю, затѣмъ была куплена приказчикомъ ярославскаго купца Георгія или Григорія Лыткина Стефаномъ Лазаревымъ[31]) и привезена имъ въ Россію къ своему хозяину. Георгій Лыткинъ, согласно указанія, полученнаго имъ въ видѣніи, пожертвовалъ эту икону 22 августа 1619 года въ вышеупомянутый монастырь, тогда называвшійся еще не Красногорскимъ, а Черногорскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ построилъ въ честь ея деревянную церковь и щедро одарилъ монастырь разными вкладами. Въ монастырѣ святая икона прославилась чудотвореніями, но устроенная въ честь ея церковь въ 1611 году сгорѣла, а построенная на мѣстѣ ея каменная была довершена и освящена лишь 22 марта 1735 года на средства (1000 р.), пожертвованныя императрицею Анною Іоанновною.

Чудотворная икона Грузинской Божіей Матери во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ въ 1654 году моровой язвы была привезена въ Москву для поновленія и укра-

шенія на ней ризы и поставлена въ вышеописанную Троицкую церковь въ Китай-городѣ. Въ то время усердіемъ московскаго серебреника Гавріила Евдокимова былъ совершенъ съ нея настоящій списокъ и поставленъ въ той же церкви. Этотъ списокъ въ то время уже прославился чутотвореніями, и самая церковь стала именоваться въ честь Грузинской Богоматери. Въ 1658 году установлено было ежегодное празднество чудотворному образу 22 августа, день принесенія въ даръ въ Красногорскій монастырь оригинальной Грузинской иконы Лыткинымъ, а въ 1698 году, по желанію архіепископа холмогорскаго Аѳанасія, составленъ канонъ въ честь Грузинской Богоматери смотрителемъ московской типографіи Ѳеодоромъ Поликарповымъ. Въ слѣдующемъ году, въ день 22 августа, совершится празднованіе 250-лѣтія устройства и прославленія чудотвореніями описываемой иконы—копіи, и въ честь этого событія устраивается въ нижнемъ помѣщеніи церкви на средства А. В. Александрова храмъ во имя Грузинской Богоматери.

По достоинству письма описываемая икона представляетъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ нашей древней иконописи, и изображеніе ея, точно воспроизведенное цвѣтною фототипіею, займетъ заслуженно мѣсто среди образцовъ иконъ иконописнаго подлинника, издаваемаго Высочайше утвержденнымъ Комитетомъ попечительства о русской иконописи. Неизвѣстно кѣмъ сдѣлана эта копія, но, безъ сомнѣнія, она написана однимъ изъ лучшихъ иконописцевъ того времени, и, по характеру письма можно отнести ее и къ кисти первоклассного изографа царской школы, хотя и затруднительно, за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ, приписывать ее кисти Симона Ушакова. Лики какъ Богоматери, такъ и Спасителя, весьма высокаго достоинства. Доска иконы имѣетъ выемы на поляхъ, при чемъ эти послѣдніе окрашены въ зеленый цвѣтъ, а фонъ въ желтовато-коричневый. Принимая во вниманіе манеру и достоинства тушевки ликовъ и обильную золотую шраффировку доличнаго, является увѣренность, что эти улучшенія и украшенія не соотвѣтствовали вполнѣ оригиналу. Къ сожалѣнію, врядъ ли имѣется возможность въ настоящее время это провѣрить, такъ какъ, по свѣдѣнію изъ Красногорской обители, эта первая икона весьма плохо сохранилась и ея доска источена отъ сырости и даже почти утратилась[32]). Настоящая же икона хорошо сохранилась, хотя на ея поляхъ и фонѣ и имѣются слѣды задѣланныхъ отверстій отъ вынутыхъ гвоздей, которыми была, очевидно, прикрѣплена басма ея первоначальнаго оклада. Драгоцѣнности на ея настоящемъ окладѣ пожертвованы императрицею Анною Іоанновною, имѣвшею столь большое усердіе къ чудотворному образу Грузинской Богоматери въ Красногорской обители и къ воздвигнутой въ честь ея церкви. Въ настоящемъ изданіи помѣщается фототипія съ моихъ фотографій этой иконы безъ ризы и съ ризою.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, по опредѣленію московской городской думы собр. и изданные руководствомъ и трудами И. Е. Забѣлина. Москва. 1884 г., ч. I, стр. 370. Свѣдѣнія изъ книгъ и дѣлъ приказовъ Патріаршаго Вѣдомства: „Церковь св. мученика Микиты на Глинищахъ, 133 г. (1625)".

[2]) Памятники московской древности. И. М. Снегиревъ. М. 1842 г., гл. I, стр. XXV.

[3]) Тамъ же, стр. XXV.

[4]) Тамъ же.

[5]) Семисотлѣтіе Москвы 1147—1847 гг. или указатель источниковъ ея топографіи и исторіи за семь вѣковъ. И. Хавскій. М. 1847 г., стр. 194.

[6]) Смотрѣть изданіе, указ. въ прим. 2, стр. XLVI.

[7]) Смотрѣть изданіе, указ. въ прим. 1, стр. 13, § 27.

[8]) Тамъ же, стр. 28, § 39.

[9]) Смотрѣть изданіе, указ. въ прим. 2, стр. XLVI.

[10]) Смотрѣть изданіе, указ. въ прим. 5, стр. 24 „Церковь каменная Христова мученика Никиты, что гостя у Григорьева двора Микитникова" и т. д. Въ книгѣ: „Русская старина въ памятникахъ церк. и гражд. зодчества", сост. А. Мартыновымъ. Текстъ И. М. Снегирева. 2 изд., ч. II, стр. 97, значится, что „эта каменная церковь была сооружена Никитниковымъ вмѣсто ветхой деревянной", но при этомъ не указаны источники, на основаніи которыхъ авторъ сдѣлалъ заключеніе, что ветхая деревянная церковь уцѣлѣла въ пожарѣ 1626 года и замѣнена каменною, и не вѣрнѣе ли предположить, что построеніе Никитниковымъ каменной церкви было вызвано желаніемъ воздвигнуть величественный храмъ на пожарищѣ прежняго. Снегиревъ сообщаетъ только, что въ 1626 году она упоминается въ приходной книгѣ Патріаршаго Приказа, что могло быть и до пожара. Свѣдѣнія о построеніи описываемой церкви не заимствованы ли исключительно только изъ записки, сохранившейся въ ея ризницѣ. Въ книгѣ „Москва или историческій путеводитель" и т. д. Москва, 1827, II, 300, упоминается, что храмъ этотъ построенъ на мѣстѣ прежде бывшей деревянной церкви великомученика Никиты.

[11]) Смотрѣть изданіе, указ. въ примѣч. 5, стр. 24 и въ прим. 1, стр. 370. Во многихъ актахъ и въ подписи Ушакова на иконѣ Благовѣщенія значится, что строитель церкви Никитниковъ носилъ имя Григорія, а не Георгія, какъ это написано въ настѣнной лѣтописи о построеніи церкви, и, кромѣ того, на мѣстной иконѣ Божіей Матери въ Никитскомъ придѣлѣ изображены свв. Андрей Критскій и Георгій Хезовитъ не иначе, какъ святые тезоименные Георгію и его сыну Андрею Никитниковымъ, какъ устроителямъ храма. Вотъ почему можно думать, что имя Никитникова было Георгій, а не Григорій.

[12]) Грамота дьяка Ивана Елисѣевича Богданова—Щепоткина издана въ вышеупомянутой (примѣч. 10) книгѣ „Русская Старина" А. Мартынова и И. М. Снегирева, на страницѣ 110. Въ настоящее время она хранится въ правленіи Общества Верхнихъ Торговыхъ рядовъ, которому перешла вмѣстѣ съ лавками во владѣніе.

[13]) Въ настоящее время устраивается въ нижнемъ этажѣ храмъ во имя иконы Грузинской Божіей Матери.

[14]) Смотрѣть изданіе, указ. въ примѣч. 12, стр. 113.

[15]) Смотрѣть изданіе, указ. въ прим. 1, стр. 13.

[16]) Симонъ Ушаковъ и современная ему эпоха русской иконописи. Г. Ю. Филимоновъ. Сборникъ древне-русскаго искусства на 1873 годъ. Стр. 85.

[17]) Тамъ же. Смотрѣть главу: „Дворъ Симона Ушакова въ Москвѣ, въ Китаѣ-городѣ", стр. 85.

[18]) Проф. Н. В. Султановъ. Рецензія на сочиненія А. М. Павлинова: „Исторія русской архитектуры, древности ярославскія и ростовскія" и т. д. Спб. 1897 г., стр. 6.

[19]) И. Е. Забѣлинъ. Русское искусство. Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ. Москва, 1900 г., стр. 52—4.

[20]) Церковь Грузинской Божіей Матери въ Москвѣ. Статья архит. Л. В. Даля въ журн. „Зодчій", 1877 г., стр. 87—88.

[21]) Тамъ же.

[22]) Таблицы съ рисунками орнаментовъ наличниковъ этихъ проходовъ будутъ своевременно помѣщены во II-мъ выпускѣ изданія моего и Н. П. Сырейщикова: „Орнаменты на памятникахъ древне-русскаго искусства".

[23]) Матеріалы для археологическаго словаря, стр. 64, „Рѣзецъ", въ Трудахъ Моск. Археолог. Общ. „Древности", томъ I, М. 1865 г.

[24]) Смотрѣть статью Л. В. Даля, указанную въ примѣчаніи 20.

[25]) Объ этомъ иконостасѣ упоминается въ моемъ изданіи: „Иконостасъ Смоленскаго собора Московскаго Новодѣвичьяго монастыря". Образцовый русскій иконостасъ XVI—XVII вѣковъ. „Краткая исторія иконостаса съ древнѣйшихъ временъ". Д. К. Треневъ. Москва, 1902 г., стр. 35 и 38, рис. 31, 34 и 35. Рисунки орнаментовъ рѣзьбы

карнизовъ и столбиковъ этого иконостаса, выполненные художникомъ барономъ Е. А. Клодтъ, будутъ своевременно помѣщены въ хромолитографическихъ оттискахъ во II-мъ выпускѣ изданія моего и Н. П. Сырейщикова: „Орнаменты на памятникахъ древне-русскаго искусства".

[26]) Симонъ Ушаковъ и современная ему эпоха русской иконописи. Статья Г. Ю. Филимонова въ Сборникѣ Общества древне-русскаго искусства, на 1873 годъ, стр. 57—60.

[27]) Фотографированіе иконъ этого пояса сопряжено было съ большими затрудненіями по причинѣ высоты положенія и недостаточности освѣщенія, а, вслѣдствіе вышеуказаннаго устройства иконостаса, удалить ихъ изъ него не было возможности.

[28]) Надпись эта на лицевой сторонѣ иконы переписана съ таковой на обратной сторонѣ.

[29]) Смотрѣть издан., указанное въ прим. 10 и 12, стр. 112.

[30]) Смотрѣть издан., указанное въ прим. 26, стр. 39.

[31]) Свѣдѣнія заимствуются между прочимъ и изъ Географическаго словаря Щекатова (Красногорскій монастырь). Священникъ Н. Романскій въ своей статьѣ: „Чудотворная икона Грузинской Богоматери въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ" („Московск. Церковн. Вѣдомости" 1903 г., № 17, стр. 214) утверждаетъ, что Лыткина звали Георгіемъ. Эти два имени, какъ мы видѣли выше, смѣшивались и при наименованіи строителя описываемаго храма купца Никитникова.

[32]) Эти свѣдѣнія сообщены мнѣ священникомъ описываемой церкви, І. А. Кудрявцевымъ, любезно содѣйствовавшимъ мнѣ при фотографированіи издаваемыхъ иконъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Текстъ.

Предисловіе.
Краткія свѣдѣнія о церкви Грузинской Божіей Матери . . . . . .
Замѣчательныя иконы церкви Грузинской Божіей Матери . . . . . .
Примѣчанія . . . . . .
Оглавленіе . . . . . .

Таблицы съ фототипіями.

Таблица I. 1. Виньетка, изображающая части наличника прохода въ придѣлъ св. мученика Никиты и нижнюю часть иконы Владимірской Божіей Матери, кисти Симона Ушакова. Рисунокъ художника барона Е. А. Клодтъ.

Таблица II. 2. Церковь Грузинской Божіей Матери.

Таблица III. 3. Церковь Грузинской Божіей Матери. 4. Часть нижняго фасада церкви. 5. Часть иконостаса XVII вѣка. 6. Деревянный росписной клиросъ XVII вѣка.

Таблица IV. 7. Внутренній видъ церкви. 8. Фреска надъ входомъ въ шатеръ крыльца. 9. Внутренній видъ придѣла св. Николая Чудотворца.

Таблица V. 10. Входъ съ наперти въ трапезную часть церкви. 11. Проходъ съ рѣзнымъ каменнымъ наличникомъ изъ трапезной части въ главный храмъ во имя св. Троицы. 12. Проходъ съ рѣзнымъ каменнымъ наличникомъ въ придѣлъ св. Николая Чудотворца. 13. Проходъ съ рѣзнымъ каменнымъ наличникомъ въ придѣлъ св. мученика Никиты.

Таблица VI. 14. Икона Грузинской Божіей Матери безъ ризы. 15. Икона Грузинской Божіей Матери въ ризѣ.

Таблица VII. **Икона Владимірской Божіей Матери, кисти Симона Ушакова** (1668 г.). 16. Изображеніе всей иконы. 17. Средняя часть иконы съ изображеніемъ Владимірской Божіей Матери.

Таблица VIII. **Икона Владимірской Божіей Матери, кисти Симона Ушакова** (1668 г.). 18. Изображеніе царя Алексѣя Михайловича. 19. Изображеніе царицы Маріи Ильиничны съ царевичами Алексѣемъ и Ѳеодоромъ Алексѣевичами.

Таблица IX. **Икона Владимірской Божіей Матери, кисти Симона Ушакова** (1668 г.). 20. Изображеніе св. Петра митрополита и Іоанна Даниловича Калиты. 21. Изображеніе царей Михаила Ѳеодоровича и Ѳеодора Іоанновича и патріарха Филарета.

Таблица X. 22. **Икона Благовѣщенія съ акаѳистомъ Божіей Матери, кисти Симона Ушакова** (1659 г.).

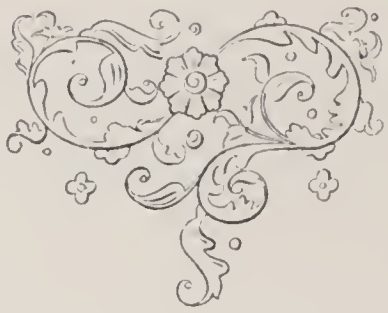
Таблица XI. **Икона Благовѣщенія съ акаѳистомъ Божіей Матери, кисти Симона Ушакова** (1659 г.). 23. Клеймо иконы, содержаніемъ соотвѣтствующее кондаку акаѳиста Божіей Матери: „Взбранной Воеводѣ побѣдительная"... 24. Клеймо иконы, содержаніемъ соотвѣтствующее кондаку: „Сила Вышняго осѣнитъ, тогда къ зачатію браку неискусныѣй"...

Таблица XII. **Иконы святителей и учителей Вселенской церкви, кисти Симона Ушакова.** 25. Св. Григорій Нисскій. 26. Св. Аѳанасій Александрійскій. 27. Св. Кириллъ Александрійскій. 28. Св. Григорій Неокессарійскій.

Таблица XIII. **Иконы святителей и учителей Вселенской церкви, кисти Симона Ушакова.** 29. Св. Діонисій Ареопагитъ. 30. Св. Амвросій Медіоланскій. 31. Св. Епифаній Кипрскій. 32. Св. Игнатій Богоносецъ.

Таблица XIV. 33. Икона св. Іакова, брата Господня, кисти Симона Ушакова. 34. Икона Спасителя во образѣ Великаго Архіерея, кисти Симона Ушакова (1657 г.). 35. Икона Спаса Нерукотвореннаго, кисти Симона Ушакова (1658 г.). 36. Икона св. мученика Никиты (1579 г.).

Таблица XV. **Иконы въ иконостасѣ придѣла св. мученика Никиты.** 37. Исцѣленіе слѣпорожденнаго. 38. Распятіе. 39. Бесѣда Господа съ самарянкою. 40. Сошествіе Св. Духа на апостоловъ. 41. Увѣреніе апостола Ѳомы. 42. Вознесеніе. 43. Исцѣленіе разслабленнаго. 44. Преполовеніе. 45. Входъ Господень въ Іерусалимъ.



Фототипія О. Ренара, Москва.

2. Церковь Грузинской Божіей Матери въ Москвѣ.

3. Церковь Грузинской Божіей Матери.

4 Часть южнаго фасада церкви.

5. Часть иконостаса XVII вѣка.

6. Деревянный, расписной клиросъ XVII вѣка.

7. Внутренній видъ церкви.

8. Фреска надъ входомъ въ шатеръ крыльца.

9. Внутренній видъ придѣла св. Николая Чудотворца.

10. Входъ съ паперти въ трапезную часть церкви.

11. Проходъ съ рѣзнымъ каменнымъ наличникомъ въ главный храмъ.

12. Проходъ съ рѣзнымъ каменнымъ наличникомъ въ придѣлъ св. Николая Чудотворца.

13. Проходъ съ рѣзнымъ каменнымъ наличникомъ въ придѣлъ св. мученика Никиты.

14. Икона Грузинской Божіей Матери въ ризѣ.

15. Икона Грузинской Божіей Матери безъ ризы.

16. Изображеніе всеи иконы.

17. Средняя часть иконы съ изображеніемъ Владимірской Божіей Матери.

Икона Владимірской Божіей Матери, кисти Симона Ушакова (1668 г.).

18. Изображеніе царя Алексѣя Михайловича.

19. Изображеніе царицы Маріи Ильиничны съ царевичами Алексѣемъ и Ѳеодоромъ Алексѣевичами.

Икона Владимірской Божіей Матери, кисти Симона Ушакова (1668 г.).

20. Изображеніе св. Петра митрополита и Іоанна Даниловича Калиты.

21. Изображеніе царей Михаила Ѳеодоровича, Ѳеодора Іоанновича и патріарха Филарета.

Икона Владимірской Божіей Матери, кисти Симона Ушакова (1668 г.).

22. Икона Благовѣщенія съ акаѳистомъ Божіей Матери, кисти Симона Ушакова (1659 г.)

23. Клеймо иконы, содержаніемъ соотвѣтствующее кондаку акаѳиста Божіей Матери: „Взбранной Воеводѣ побѣдительная“...

24. Клеймо иконы, содержаніемъ соотвѣтствующее кондаку акаѳиста Божіей Матери: „Сила Вышняго осѣнитъ, тогда къ зачатію браку неискуснѣй“...

Икона Благовѣщенія, кисти Симона Ушакова (1659 г.).

29. Св. Діонисій Ареопагитъ.

30. Св. Амвросій Медіоланскій.

31. Св. Епифаній Кипрскій.

32. Св. Игнатій Богоносецъ.

Иконы святителей и учителей Вселенской Церкви, кисти Симона Ушакова.

33. Икона св. Іакова, брата Господня, кисти Симона Ушакова.

34. Икона Спасителя въ образѣ Великаго Архіерея, кисти Симона Ушакова (1657 г.).

35. Икона Спаса Нерукотвореннаго, кисти Симона Ушакова (1658 г.).

36. Икона св. мученика Никиты (1579 г.).

37. Исцѣленіе слѣпорожденнаго.

38. Распятіе.

39. Бесѣда Господа съ Самарянкою.

40. Сошествіе Св. Духа на апостоловъ.

41. Увѣреніе апостола Ѳомы.

42. Вознесеніе.

43. Исцѣленіе разслабленнаго.

44. Преполовеніе.

45. Входъ Господа въ Іерусалимъ.

Иконы въ иконостасѣ придѣла св мученика Никиты.

Опечатки:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
20	8 снизу	1619 г.	1629 г.
20	5 »	1611 г.	1711 г.

Изданія и сочиненія Д. К. Тренева.

	Цѣна.
1. **Нѣсколько словъ о современномъ иконописаніи.** (Рефератъ. Въ продажу не поступалъ.)	— р. — к.
2. **Иконы царскаго изографа Симона Ушакова** въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Съ приложеніемъ 5 фототипій.	1 „ 25 „
На лучшей бумагѣ	2 „ 50 „
3. **„Походная церковь", въ видѣ шкафчика, XVII вѣка.** Нѣсколько словъ по поводу сдѣланныхъ на рефератъ возраженій.	— „ 40 „
На лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 3 фототипій и 1 хромол.	1 „ — „
4. **„Иконостасъ Смоленскаго собора Московскаго Новодѣвичьяго монастыря".** Образцовый русскій иконостасъ XVI—XVII вѣковъ, съ прибавленіемъ **„Краткой исторіи иконостаса съ древнѣйшихъ временъ"**, 115 хромолитографій, литографій и фототипій и 100 цинкографій въ текстѣ. Текстъ русскій и краткій французскій. На лучшей бумагѣ (100 экз.), in-4°, въ коленкоровомъ переплетѣ съ золототисненіемъ (удостоено присужденія бол. серебр. медали Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества)	25 „ — „
На простой бумагѣ, безъ переплета (150 экз.)	12 „ — „
5. **Русская иконопись и ея желаемое развитіе** (200 экз.) . .	— „ 50 „
6. **Серпуховской Высоцкій монастырь, его иконы и достопамятности.** Историко-археологическое описаніе, съ приложеніемъ древнихъ грамотъ, описи монастыря, 32 таблицъ съ 5 хромолитографіями и 66 фототипіями и нѣсколькихъ цинкографій въ текстѣ (170 занумерованныхъ экземпляровъ). На веленевой бумагѣ (удостоено присужденія бол. серебр. медали Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества)	5 „ — „
На лучшей веленевой бумагѣ (№ 1—30), рисунки на бристолѣ.	10 „ — „
7. **Иконопись мстерцевъ** (съ фототипіями) (200 экз.), 1903 г. .	— „ 50 „
8. **Памятники древне-русскаго искусства церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ.** Краткое описаніе съ приложеніемъ 45 фототипій. 1903 г. На лучшей веленевой бумагѣ, съ рисунками на бристолѣ, въ переплетѣ съ золототисненіемъ (30 экз), in-4°	20 „ — „
На веленевой бумагѣ, въ папкѣ (190 экз.)	10 „ — „

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ роскошное изданіе in-folio:

Орнаменты на памятникахъ древне-русскаго искусства. Изданіе **Н. П. Сырейщикова** и **Д. К. Тренева.**

Выпускъ I. 25 таблицъ съ 105 рисунками орнаментовъ въ краскахъ.

98-B12691

10-
14/VIII 918
2.

GETTY RESEARCH INSTITUTE
3 3125 01378 3499